УДК 165.742: 159.99

А. А. Фёдоров

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: fedorov@fp.nsu.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ГУМАНИЗМА

В данной статье поднимается вопрос о том, связан ли гуманизм с каким-либо определенным стилем эпистемического освоения реальности. Анализ трех исторических форм гуманизма показывает, что доминирующий эпистемический стиль эпохи предопределяет ценностное содержание конкретной формы гуманизма.

Ключевые слова: эпистемический стиль, гуманизм, рационализм, эмпиризм, метафоризм, Дж. Ройс.

Три формы гуманизма

Что такое гуманизм? Что значит быть гуманистом? История не раз отвечала на эти вопросы, и каждый раз ответ этот был другим. Как справедливо отмечает А. Ф. Лосев, у термина «гуманизм», как и у всех других слишком популярных терминов, оказалась весьма плачевная судьба, «а именно судьба огромной неопределенности, многозначности и часто даже банального верхоглядства» [Лосев, 1978. С. 108].

Сложилось так, что ответ Ренессанса, связанный с *общественно-политической стороной* светского свободомыслия, оказался наиболее известным. Но нас будет интересовать не только он, но и два *принципиально других* ответа: ответ Античности и ответ экзистенциальной философии. И хотя эллины исторически были первыми, *традиционно* считается, что впервые гуманизм выступил как целостная система взглядов в эпоху Возрождения [Философский энциклопедический словарь, 1983]. И действительно, в обыденном сознании эпоха, в которую сожгли ведьм больше, чем в «темное» Средневековье (А. Ф. Лосев метко назвал подобные этому явления обратной стороной титанизма), прочно ассоциируется с альтруизмом, милосердием и человечностью. Считается, однако, что обращение к теме человека в этот период все-таки связано с *возрождением* идей и идеалов эллинизма, что закрепляет историческое первенство античной формы гуманизма. Стоит заметить, что интерес философов и теологов к трудам античных мыслителей возник много ранее, в одиннадцатом столетии, и интерес этот был столь силен, что Д. Робинсон характеризует его как «лихорадочное философствование» [Робинсон, 2005. С. 185]. Более того, надменный по своей природе антропоцентризм Возрождения чужд созерцательному космологизму Античности. Третью свою интерпретацию гуманизм получает в трудах Ж. П. Сартра, который связывает его с точкой зрения, согласно которой человек «обречен на свободу» и в своей заброшенности может надеяться только на самого себя.

Представляется очевидной ценностная разность этих трех форм гуманизма, т. е. гуманизма Античности, гуманизма Возрождения и экзистенциального гуманизма. Сам Сартр вполне очевидно противопоставил свой гуманизм гуманизму Возрождения, который рассматривает человека как цель и высшую ценность. Он прямо заявляет, что «такой гуманизм нам не нужен» [Сартр, 1989]. В свою очередь, внеличностный космологизм античного гуманизма претит как Сартру, так и современнику да Винчи.

Безусловно, разное понимание гуманизма в эти эпохи связано с комплексом причин, среди которых и изменения системы экономических отношений, и трансформации политического строя. Но на наш взгляд, принимая во внимание и эти объективные детерминанты, нельзя не учитывать факторы психологического характера. В данной статье мы сосредоточимся на анализе взаимосвязи гуманизма с эпистемическими стилями, которые отражают познавательное

© А. А. Фёдоров, 2009

отношение человека к миру. Но прежде чем обратиться к самому понятию «эпистемический стиль», сделаем несколько замечаний.

1. Несмотря на то, что в данной статье речь идет о вполне конкретных исторических формах гуманизма, их лучше всего понимать как идеальные типы. Как известно, «научная теория описывает не реальные, а идеализированные объекты» [Аллахвердов, 2006. С. 102]. Результатом такой идеализации становятся идеальные типы (понятие введено М. Вебером), обладающие многочисленными свойствами, которые мы можем и не найти в полном объеме в каждом конкретном случае. Соглашаясь с тем, что идеальная типизация представляет собой вполне удобный способ упорядочивания эмпирического материала, мы все же полагаем, что ее результатом не всегда служит идеальный, т. е. не существующий в мире объект. На наш взгляд, выделенные формы гуманизма представляют собой типы иного порядка, нежели, например, физические абстракции (идеальный газ, абсолютно черное тело и т. д.). Эти типы гуманизма отражают объективно существовавшие отношения, что и позволяет именовать их, «привязывая» к конкретной исторической эпохе. Идеализация в данном случае сводится к отвлечению от случайных, неясных, смутных характеристик.

2. Постановка *проблемы* взаимосвязи форм гуманизма с эпистемическим стилем эпохи отражает наше понимание гуманизма как общей системы ценностных ориентаций, определяющей место человека в мире и поощряющей тот или иной способ взаимодействия с ним. В нашем понимании, мотивы человечности и человеколюбия не являются обязательными характеристиками гуманистического мировоззрения. «Каково место человека в мире?» – вот тот вопрос, на котором должен сосредотачиваться гуманизм, и гуманисты разных эпох давали на него разный ответ. Мы полагаем, что ответ этот зависит от того, как тем или иным философом *познается* мир, и здесь мы сталкиваемся с проблемой эпистемического стиля.

Эпистемический стиль

Эпистемический стиль отражает способ, которым человек оценивает и проверяет адекватность своего знания о мире. Нельзя здесь не сказать и о понятии «эпистема». У Платона эпистема – это лишь одна из форм знания, а именно интуитивное поэтическое знание, дающее предмет в его непосредственном существовании. В Новейшее же время эпистема превращается в глобальное познавательное поле конкретной исторической эпохи. Так, Мишель Фуко, понимая под эпистемой некий языковой код, который бессознательно предопределяет мышление отдельных индивидуумов, выделял не менее пяти ее видов: античную, средневековую, возрожденческую, просветительскую и современную. Мы полагаем, что под эпистемой можно понимать эпистемический (познавательный) стиль конкретной эпохи.

В психологии исследования эпистемического стиля в большинстве случаев опираются на *теорию корневой метафоры Пеппера* [Pepper, 1942] или на *теорию познания Ройса* [Royce, 1964].

Пеппер предположил, что существуют четыре способа видения мира и организации опыта. *Формизм* – первый эпистемический стиль – связан с точкой зрения, согласно которой реальность представляет собой множество предопределенных универсальных форм и типов. Второй эпистемический стиль, *механицизм*, отражает понимание мира как механизма, познание которого сводится к определению взаимосвязи между единичной причиной и единичным следствием. *Контекстуализм* предполагает зависимость познания от контекста, определяющего смыслы, которые мы связываем с событием. И, наконец, *органицизм* представляет мир в качестве живого организма, который постоянно развивается, повышая степень своей интеграции и дифференциации. Пеппер полагал, что органицизм и контекстуализм являются очень похожими способами видения мира, которым противостоит механицизм. В психологии было предпринято несколько попыток создания диагностических инструментов на основе теории корневой метафоры [Germer et al., 1982; Kramer et al., 1992].

Другой известной концепцией эпистемических стилей является теория познания Дж. Ройса. Он полагает, что существуют три *базовых* способа познания мира, зависящих от различных когнитивных процессов. Эти когнитивные процессы описываются тремя измерениями: *концептуализацией* (фокус на понятиях), *восприятием* (фокус на наблю-

даемых явлениях) и *символизацией* (фокус на создании символов) [Royce, Mos, 1980. P. 6]. На основании этой когнитивной системы формируется стилевая система, предполагающая существование трех способов познания: метафоризма, рационализма и эмпиризма.

Метафоризм – эпистемический стиль, который характеризует человека, чей взгляд на реальность определен метафорическим опытом, имеющим символическую природу. Проверка истинности знаний о мире осуществляется в терминах интуиции, включающей как сознательные, так и бессознательны аспекты.

Рационализм – это эпистемический стиль, который связан с оценкой надежности знания по его логической согласованности. Основными когнитивными процессами являются ясное мышление, логический анализ и синтез идей.

Эмпиризм – это эпистемический стиль, отличающий человека, оценивающего свои взгляды на реальность в терминах достоверности и надежности наблюдений. В основе этого стиля лежат восприятие и поиск сенсорного опыта, а предпочитаемым путем получения нового знания является индукция.

Дж. Ройс и Л. Мос разработали *психоэпистемологический профиль* (PEP), опросник, позволяющий построить индивидуальный эпистемологический профиль личности, подсчитывая баллы по трем шкалам (рационализм, эмпиризм и метафоризм), где наивысший балл отражает доминирующий способ познания мира.

Нельзя не отметить, что Пеппер и Ройс используют понятие «стиль», актуализируя различные его аспекты. Если Ройс говорит о *процессуальных (формальных)* характеристиках эпистемического стиля (стиль как способ), то Пеппер предпочитает анализировать его *содержание* (стиль как совокупность убеждений о природе реальности). На наш взгляд, дальнейшая разработка этого концепта должна быть направлена на преодоление дихотомии «процесс-содержание», в рамках которой само понятие «стиль» кажется избыточным.

Дальнейший анализ мы будем проводить, опираясь на теорию познания Ройса. Предпочтение ей мы отдаем по ряду причин. Во-первых, несмотря на то, что стиль охватывает и форму, и содержание (то, *как* говорится, и то, о *чем* говорится), его все же в большей степени обуславливает «существование альтернативных способов выражения ...одного и того же содержания» [Гудмен, 2005. С. 141]. Во-вторых, эпистемические стили Ройса можно сопоставить со схемами логических умозаключений. Так, рационализм соответствует дедукции, эмпиризм – индукции, а метафоризм – аналогии. В этом плане типология Ройса представляется полной и совершенной по понятному основанию. В-третьих, «гипотезы о мире» Пеппера вполне можно связать со «способами получения знания» Ройса. Так, контекстуализм и органицизм опираются на метафорический стиль, формизм – на рациональный стиль, а механицизм может основываться как на эмпиризме, так и на рационализме.

Мы полагаем, что для Античности характерен рациональный эпистемический стиль, для Возрождения – эмпирический, а для экзистенциализма – метафорический.

Ratio Античного гуманизма

Гуманизм Античности – гуманизм особого рода. В своей монументальной работе «История античной эстетики» А. Ф. Лосев прекрасно описал и *объяснил* мировоззрение античного человека. Оно внеличностно, а потому в его рамках говорить о *достоинстве отдельной личности* не имеет смысла. Оно космологично, а потому человек не венец Природы (Космоса), а лишь ее часть. В нем единичное подчинено общему, а потому, несмотря на всю осязаемость и телесность античной культуры, в ней главенствует *дедуктивный разум*. По легенде материалист Демокрит ослепил себя, ибо не верил, что чувственное познание может постичь истину. Идеалист Платон писал о том, что только разуму по силам проникнуть в вечный и неизменный мир идей. Стоики и скептики полагали, что идеальным душевным состоянием является атараксия, состояние невозмутимости, достигаемое посредством разума.

В рациональном гуманизме Античности человек не может быть высшей ценностью. Высшей ценностью является Космос, прекрасный, божественный, абсолютный и совершенный. Как писал А. Ф. Лосев, эллин «молился на звезды, возводил себя к звездам» [Лосев, 1992]. Гуманист в Античности – это человек, получивший хорошее об-

разование, позволявшее ему знать то, как устроен Космос. Пропагандировавшийся Цицероном гуманизм – это «идеал образования знатных римлян, содержанием которого было воспитание людей через образование по греческому образцу» [Словарь античности, 1994. С. 169]. Не больше, но и не меньше. Здесь нет и речи о признании ценности человека как личности, нет речи и о том, что *все* люди равны и имеют право на свободу. Античный гуманист – рабовладелец, и забывать об этом нельзя.

Рациональная эпистема Античности объявляет Ум неким принципом единства всего мироздания. А потому самое совершенное человеческое мышление – это подражание небесному круговращению, и насколько мышление человека ближе к мышлению космическому, настолько оно и совершеннее. Гуманизм Античности потому связан не с человеческим самоутверждением, а с *рациональным* (логически обоснованным) стремлением к единству с Космосом. Гуманист Возрождения – дуалист. Он разрывает себя с бытием, определяя себя как того, кто *овладевает* природой. Гуманист Античности, напротив, монистически отождествляет себя с бытием, что, несомненно, является следствием рационального эпистемического стиля. Так Парменид, один из виднейших элеатов, отождествлял бытие и мышление, говоря, что «одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует».

Sensus гуманизма Возрождения

Гуманизм Возрождения очень часто осмысляется как антирелигиозный феномен, как движение, направленное на освобождение человека от гнета церкви. Такое понимание, как указывает Д. Робинсон, является ошибочным. «Гуманизм Возрождения совершенно непостижим без христианства» [Робинсон, 2005. С. 186]. А. Ф. Лосев, впрочем, более осторожен. Он просто указывает на то, что хотя в гуманизме Ренессанса *действительно* присутствует антицерковная тенденция, это «для возрожденческого гуманизма совсем необязательно» [Лосев, 1978. С. 105]. Как бы то ни было, именно религиозная составляющая предопределила повышенное внимание гуманистов этого периода к теме достоинства человеческой личности. По сути, гуманизм Возрождения есть выдвижение человеческого индивидуума на первый план. Возникшая на обломках космологизма античности абсолютизация личности – изначально божественной, стоящей над и пред миром – стала началом тысячелетнего пути к абсолютизации личности человеческой. По сути, гуманизм Возрождения представляет собой не что иное, как проекцию характеристик Бога на человека. В 1474 г. Марсилио Фичино писал: «Человек... есть разновидность Бога... Только человек настолько совершенен, что он управляет прежде всего самим собой... [и] всем миром. Он будто бы рожден для того, чтобы управлять, и не может вынести никакого вида рабства» (цит. по: [Робинсон, 2005. С. 186]). Это, конечно, не Античность, вполне приемлющая рабство, но и не изначальное христианство. С чем же было связано освобождение человека (прежде всего, концептуальное освобождение)? На наш взгляд, важным фактором этого (помимо изменений социальных условий, среди которых нельзя не отметить появление *города* как места развития человеческой личности) стала смена эпистемического стиля эпохи. Эмпиризм занял место рационализма. Созерцание Античности сменили опыты Возрождения. Роджер Бэкон превращает знание в силу, с помощью которой можно изменять мир. Галилей при помощи опытов (изначально мыслительных, но потом и фактических) опровергает механику Аристотеля. Леонардо да Винчи утверждает, что «мудрость есть дочь опыта». А на границе Возрождения и Нового Времени Френсис Бэкон пишет «Новый Органон», в котором обосновывает эмпирико-индуктивный метод, по сути, эмпирический эпистемический стиль в науке. Ясный разум, отличительная черта рационального эпистемического стиля, становится вторичным по отношению к отчетливым и непосредственным свидетельствам органов чувств.

Мог ли изменить эмпиризм восприятие человеком своего места в мире? Вполне. Абсолютный Космос низводится до sensum data. Если чувственный опыт человека есть все, с чем он может быть знаком, то разве можно говорить об объективном Космосе? Весь Космос доступен мне посредством моих пяти органов чувств, и даже более того, то, что *Я* чувствую, – это и есть Космос. Нет никаких причин, препятствующих человеку познать (точнее, *ощутить*) мир полностью, включая Бога. «Наша душа когда-нибудь

сможет постичь смысл всех вещей, даже постичь Бога» (цит. по: [Робинсон, 2005. С. 186]). Вторично человек, после изгнания из Эдема, вкусил яблоко с Древа Познания и возомнил себя равным Богу, а потому достойным столь же пристального внимания. Разумеется, что если человек (как вид) равен Богу, то и люди (как индивиды) равны между собой. Традиционные гуманистические идеи равенства и братства, идеи о достоинстве человека и его высшей ценности – не что иное, как порождения надменного антропоцентризма, явившегося следствием переоценки могущества опытного пути познания.

Эпоха Возрождения не была *возрождением* античного образа жизни. Возрождение формальных античных эстетических идеалов не сопровождалось возрождением античного мироощущения. Античный гуманизм бесстрастен, гуманизм Возрождения – чувственен и даже сладострастен. Античный гуманизм тяготеет к универсализму, гуманизм Возрождения принимает форму достаточно грубого индивидуализма. Античность объявляет чувственное познание «темным», а Возрождение наделяет его неограниченными возможностями.

Intuitio гуманизма Сартра

Радикально-атеистический экзистенциализм Сартра вновь переосмыслил содержание, вкладываемое в понятие «гуманизм». В некотором смысле, это переосмысление является логическим продолжением антропоцентризма Возрождения. Человек Античности – лишь элемент Космоса, к познанию которого он должен стремиться. Человек Возрождения – равное Богу существо, ради которого создан мир. Человек Сартра – единственное в мире существо. Бога нет, следовательно, нет существа даже равного человеку. Человек Возрождения, равный Богу, был все же в некоторой степени ограничен существованием Абсолютной Личности. В экзистенциализме же «нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности» [Сартр, 1989]. Почему же такой экзистенциализм, видящий исходную точку отсчета в человеческой субъективности, является гуманизмом? Это гуманизм, поскольку он напоминает человеку, что «нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу» [Там же]. Сартр отрицает эмпиризм, но также отказывается от рационалистического понимания действительности. Для него характерна эмоционально-волевая трактовка мира. Античный человек свободен, поскольку он герой, поступающий так, как ему угодно, невзирая на то, что он понимает: нельзя выйти за пределы необходимости-Тюхе. Человек Возрождения свободен, поскольку он может подчинить себе мир. Человек Сартра свободен, поскольку он может выбирать, как ему *относиться* к конкретной ситуации. Свобода – это свобода *эмоционального* отношения, которое рушит все барьеры. «Свобода есть не что иное, как *существование* нашей воли или наших страстей, поскольку это существование есть ничтожение фактичности» [Сартр, 2000. С. 455]. Эмоции, чувства, воля для него – это те психические явления, благодаря которым и раскрывается бытие. Эмоция «соответствует глобальному изменению сознания и его отношений к миру, она выражается через радикальное изменение мира» [Там же. С. 406].

Далее. Символы и символизация – один из основных предметов исследования Сартра. В некотором роде, он исследует действия человека как *психоаналитик*, поскольку любое действие наделяется им символическим значением.

И, по сути, «не существует бытия для сознания вне... строгой обязанности быть интуицией, открывающей нечто» [Там же. С. 618]. Эмоции, интуиция, символическое познание мира – все это черты метафорического эпистемического стиля. И, действительно, человек, который проверяет истинность знаний в терминах *своей* интуиции, проистекающей из глубин *субъективности*, не может не быть единственной возможной реальностью.

***

В нашем *scriptum* мы попытались сопоставить формы гуманизма с эпистемическими стилями, отражающими способ познания мира. То, *как* мир познается, определяет и то, *где* в этом мире человек находится. Рациональный гуманизм Античности ищет человека *внутри* Космоса, эмпирический гуманизм Возрождения поднимает его *над* миром, а метафорический гуманизм Сартра помещает человека *вне* мироздания, и экзи-

стенциальный гуманист все время пытается выйти за собственные пределы, т. е. вернуться (впрочем, безуспешно) в мир.

Разумеется, история знала и смешанные формы гуманизма (например, *рационально*-эмпирический гуманизм марксизма), как и человек никогда не является абсолютным рационалистом, эмпириком или метафористом. Наше исследование было намеренно ограничено анализом предельных вариантов гуманистического мировоззрения с тем, чтобы отчетливо показать связь ценностного наполнения гуманизма с эпистемическим стилем эпохи.

В настоящем вновь происходит пересмотр концепции человека. Дегероизация, деперсонализация, интерес к патологии, словом, все то, чем характеризуется так называемый *постгуманизм*, также, на наш взгляд, связаны со сменой эпистемического стиля. И эта *смена* граничит с выходом *за пределы*. М. А. Холодная говорит о хаотическом эпистемическом стиле, который связан со смыслопорождающим стилем постановки и решения проблем [Холодная, 2004]. Он характеризуется анализом смыслов и последующим *радикальным* изменением уровня понимания соответствующей проблемной области. Но является ли введение хаотического эпистемического стиля оправданным (может, лучше говорить о *предельно* метафорическом или *ир-* и даже *анти*рациональном стиле) и можно ли с ним связать постгуманизм – это вопросы другого исследования.

Список литературы

Аллахвердов В. М. Вечно зеленеющий предмет психологии на фоне сухой теории // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, № 1. С. 100–104.

Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2005. 376 с.

Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1992. Т. 8, кн. 1. С. 314–323.

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.

Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.

Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

Словарь античности / Пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1994. 704 с.

Философский энциклопедический словарь / Отв. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 841 с.

Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

Germer C. K., Efran J. S., Overton W. F. The Organisicm-Mechanism Paradigm Inventory: Toward the measurement of metaphysical assumptions. *Paper* presented at the 53rd Annual Meeting of the Eastern Psychological Association, Baltimore, MD, 1982.

Kramer D. A., Kahlbaugh P. E., Goldston R. B. A Measure of Paradigm Beliefs about the Social World // Journal of Gerontology: Psychological Sciences. 1992. Vol. 47. P. 180–189.

Pepper S. C. World Hypotheses. Berkeley, CA: University of California Press, 1942.

Royce J. R. The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning. Princeton, NJ: Van Nostrand, 1964.

Royce J. R., Mos L. P. Manual: Psycho-Epistemological Profile. The University of Alberta, 1980.

Материал поступил в редколлегию 15.08.2009

A. A. Fedorov

EPISTEMIC STYLE OF HUMANISM

The article deals with the question whether humanism is associated with a specific style of epistemic grasp of reality. Analysis of three different forms of humanism shows that dominant style of an epoch predetermines the value content of a specific form of humanism.

Keywords: epistemic style, humanism, rationalism, empiricism, metaphorism, J. Royce.